- Я сделал своей обязанностью знать вашу историю, - честно сказал он. Император официально не представлял его Джейд, пока она не стала подростком, и он не был готов посылать ее на миссии. Палпатин так гордился ею, называл ее своим Экспериментом, объяснял, почему она отличалась от Инквизитора, что она была его особым, универсальным шпионом, убийцей, вором, судьей, присяжными, палачом. Он заверил его, что не должен думать о ней как о сопернице, потому что она не ситх, что она не его наследница, а его инструмент. Это не помешало Вейдеру сделать именно это. Он знал, что он тоже был инструментом. Наследником империи мог стать кто угодно. Не то чтобы у Палпатина была какая-то преданность.

Мара посмотрела на него долгим, тяжелым взглядом, а затем приняла решение. “Ты лжешь,” заявила она. - Мои родители не умерли.”

- Скажи мне, для чего император послал тебя сюда, Мара.”

Она только покачала головой. “Мои родители,” сказала она, понизив голос, - не умерли.”

- Мара—”

- Они не мертвы. Потому что я сказала им не драться. Я сказала им, чтобы они меня отпустили. И я пошла с ним, потому что знала, что это моя судьба. Ему не нужно было говорить мне об этом. И он был добр, - прошипела она. “Он отвез меня во дворец и—”

- И штурмовики заставили твоих родителей встать на колени в твоем старом доме, и они застрелили их—”

- Энакин,” сказала Падме.

- ... в основании их черепов—”

- Я думаю, этого вполне достаточно, - сказал Оби-Ван.

— ... и я знаю, потому что опросил солдат, которые это сделали. Лично.”

Палпатин не вел никаких записей о Маре, потому что не хотел, чтобы кто-то проследил ее личность или понял ее цель. Но это не имело значения, потому что Вейдер хотел точно знать, что он задумал, какого рода Эксперимент проводила девушка. Он не мог принять за чистую монету ничего из того, что говорил Дарт Сидиус. Он выяснил все, что мог, что, по общему признанию, было не так уж много, просто в отличие от других чувствительных к Силе детей, которых инквизиторы обнаружили для него, этого он пошел, чтобы забрать лично. И после того, как он убил ее родителей и избавился от них, гарантируя, что ему никогда не придется иметь дело с разделенной лояльностью, он вырастил ее во дворце и воспитал, чтобы она была особенным домашним животным. Рутина доброго дедушки. Энакин хорошо это помнил. Это было удивительно только сейчас, потому что со всеми другими детьми, которых он собрал за

эти годы, обращались не так хорошо. С ними обращались как с животными, как с дроидами, разбирали на части, снова собирали, бросали в кучу металлолома. Они видели истинное лицо Дарта Сидиуса, как и он сам. Но они были всего лишь детьми. Они не могли выжить. Не так, как он.

- Но мне действительно не нужно рассказывать тебе это о твоих родителях, потому что ты это почувствовала, не так ли? " - продолжил он. Он наклонился, положив руки на колени, чтобы лучше видеть ее глаза. - Ты знаешь, что он убил твоих родителей. Ты просто не хотел в это верить. Об этом было слишком трудно думать, поэтому ты этого не сделал. Ты заставил себя забыть, потому что так было проще.”

Теперь он просто догадывался, возможно, проецировал, но ему было все равно. Это работало. Мара выглядела так, как будто ее сейчас стошнит, когда она держалась за Люка, а Люк, ну… он выглядел сердитым. Он был зол на Энакина за то, что тот сказал все эти ужасные вещи, и это было прискорбно. Но он поймет, что Мара не была его другом. Мара была любимицей императора.

- Так скажи мне, для чего Император послал тебя сюда, - сказал Энакин, как бы между прочим.

- Если ты все знаешь, зачем спрашиваешь меня?” Мара сплюнула. - Расскажи мне об этом.”

- Я бы предпочел, чтобы вы мне сказали.”

- Я могу тебе сказать, - проговорила Файзеллу, выглядывая из-за спины Леи.

- Нет, ты не можешь, ты ничего не знаешь, - резко сказала Мара.

Оби-Ван покачал головой. “Расскажи нам, что ты знаешь, дитя, - сказал он Файзеллу самым нежным из своих голосов.

- Мы здесь, чтобы заставить тебя страдать,” сказала она Энакину. Она посмотрела на него большими карими глазами, которые встревожили его. Это были глаза ребенка, который слишком много видел и слишком хорошо понимал, что значит страдать. Это были глаза ребенка-раба. - Император очень расстроен тобой. Ты ослушался его. Ты предал его. Ты сбежал. Ты должен быть наказан.”

Падме, стоявшая рядом с ним, резко втянула в себя воздух. Он почувствовал протест на ее губах. Она собиралась сказать, что все это стало слишком, что никому не нужно это слышать. Но прежде чем она успела произнести это вслух, он сказал: “И как он планирует это сделать? Как вы двое собираетесь ему помочь?”